

- подборка двадцать четвертая -

ВОСПОМИНАНИЯ
праведной ребецн
Ханы,

да упокоится она с миром,
супруги праведного раввина, гаона и хасида, каббалиста,
нашего учителя

рабби Леви-Ицхока,

да будет память святого праведника благословенна,
да упокоится он с миром,
и да будет нам защитой его заслуга

матери святого ребе,
нашего господина и учителя

рабби Менахема-Мендла,

да будет память святого праведника благословенна, да упокоится он с миром,
и да будет нам защитой его заслуга,

Шнеерсона

из Любавича

MEMOIRS
OF
REBBETZIN CHANA SCHNEERSON
INSTALLMENT 24

Published and Copyrighted © 2012

by

KEHOT PUBLICATION SOCIETY

770 Eastern Parkway / Brooklyn, New York 11213

(718) 774-4000 / Fax (718) 774-2718

editor@kehot.com

Orders:

291 Kingston Avenue / Brooklyn, New York 11213

(718) 778-0226 / Fax (718) 778-4148

www.kehot.com

All rights reserved.

The Kehot logo is a trademark of Merkos L'Inyonei Chinuch.

Manufactured in the United States of America

Отпечатано в России

Перевод подготовлен в издательстве «Лехаим», Москва

Предлагаем вашему вниманию 24-й выпуск «Воспоминаний», записанных праведной ребецн Ханой, матерью Ребе¹. Да будет воля Всевышнего, чтобы это добавление в «распространении источников наружу» привело к подлинному и полному Избавлению с приходом нашего праведного Мошиаха, буквально в ближайшее время.

Издательство «Ойцар га-хасидим»

26 адара 5772 года

Бруклин, Нью-Йорк

¹ Перевод с идиша Цви-Гирша Блиндера. Дополнительная информация о настоящем издании — в предисловии к 1-му выпуску.

Воспоминания ребецн Ханы Шнеерсон

С Б-жьей помощью, среда, пост Гедаљи, 5708 года (17.09.47 г.)²²²

Не писатель я и не дочь писателя, и мое желание — просто записать немного из воспоминаний о моем муже, да будет память о нем благословенна, — о нескольких последних годах его жизни.

У меня были сомнения, смогу ли я справиться с этой задачей, — по двум причинам. Во-первых, получится ли вообще передать на бумаге то, что хранится в памяти. Во-вторых, найдется ли у меня столько спокойствия, сколько требует такая работа.

[14 кислева 5709 года]

* * *

Похороны

С утра наш двор был уже полон. Собралось множество самых разных людей — мужчины и женщины, молодые и пожилые... Хотя мой муж пробыл в Алма-Ате всего каких-то четыре месяца (к тому же часть этого времени он был уже сильно болен и сначала привязан к дому, а затем прикован к постели), он многих сумел приблизить к себе. Понятно, что на такое способны лишь люди, обладающие особым даром.

Невозможно описать словами работу, проделанную людьми, которые в тех условиях исполнили обряд *то'оро* и все остальные заповеди. Главные заботы, понятно, легли на плечи наиболее близких к нам людей, среди них — евреи из Ленинграда, Ростова, Харькова. Часам к одиннадцати-двенадцати дня все было готово, и можно было отправляться на кладбище. Множество людей, собравшихся в нашем дворе, выглядело внушительной похоронной процессией.

Кладбище находилось в нескольких километрах от дома, дорога шла в гору, а потом с горы. Гроб несли на плечах — хотя за нами ехала телега, никто из провожавших моего мужа в последний путь не соглашался поставить на нее гроб...

²²² Дата написания записок, указанная самой ребецн.

Сама я на кладбище не пошла (и не разрешила туда идти никому из женщин), но бывшие там рассказали мне потом, что, помимо шедших от нашего дома, к похоронам присоединилось множество других людей.

Шива и шлошим²²³

К *Маариву* люди вернулись с кладбища, и около двадцати человек молились в той комнате, где душа моего мужа оставила наш мир. Там же я сидела *шиву*...

Изначально собирались молиться у нас все время *шлошим*. Но буквально в первые же дни в доме появились несколько новых евреев, которых никто не знал. Один из них представился сапожником с фабрики, но возникло подозрение, что он является доносчиком. К тому же, Рабинова²²⁴ вызвали в НКВД и там расспрашивали: что это были за похороны с таким количеством народа?.. А он ведь был одним из самых активных организаторов похорон и всего, что было с ними связано. Рабинову пришлось сочинять какие-то объяснения, но они, похоже, энкавэдэшников не удовлетворили — во всяком случае, его хороший друг, который там служил, посоветовал ему быть осторожнее. Так что многие перестали молиться в нашем доме, хотя все равно каждый день приходили люди, чтобы исполнить заповедь утешения скорбящих. Обычно на ночь со мной оставался кто-то из знакомых — все дни траура меня старались ни на миг не оставлять одну.

Действия наших друзей, а также информация с почты о большом количестве приходящих нам писем, в том числе из-за границы, и о телеграфных переводах крупных денежных сумм из Ташкента и Самарканда²²⁵ (которые, к сожалению, уже ничем не могли помочь) привлекли к нам пристальное внимание НКВД. Где-то на двадцатый день нам было сообщено, будто хозяйка квартиры не желает, чтобы в доме собиралось такое количество людей (хотя на самом деле она не особо возражала против молитв в нашей комнате), поэтому мы объявили, что *миньян* здесь больше собираться не будет...

Что это за человек?..

После похорон появились новые проблемы — позаботиться о тех шести местах, которые были куплены на кладбище вокруг могилы

²²³ Периоды скорби по умершим близким: соответственно семь и тридцать дней со дня похорон.

²²⁴ См. о нем в 4-м, 5-м и 23-м выпусках «Воспоминаний».

²²⁵ На лечение р. Леви-Иццока.

моего мужа²²⁶, а также об ограде и о надгробном камне: прежде чем его поставить, нужно было залить могилу цементом для защиты от дождей и грязи.

Ни цемента, ни металла для ограды, являвшегося еще более насущной необходимостью, найти никак не удавалось. Лишь через пару недель, по распоряжению главного инженера одного из государственных предприятий и посредством всевозможных ухищрений, мы сумели заполучить необходимое количество того и другого.

Наши близкие старались не упустить ни одной мелочи, чтобы сделать все как можно более достойно. Могила мужа выглядела так, что люди, подходящие к ней, не могли не задать себе вопрос: что это за человек, который тут похоронен?..

Спустя непродолжительное время рядом с моим мужем был похоронен еще один достойный еврей — знаток Торы, родственник ребе из Горностайполя²²⁷. Ограда вокруг могилы закрывалась на ключ, поэтому, когда гроб с телом покойного принесли на кладбище из синагоги, где он обычно молился, его подняли над оградой и таким образом внесли вовнутрь. Это было сделано из опасения, что мы не разрешим похоронить его на купленных нами местах. Они же сделали это в знак последнего уважения к умершему еврею... Позже к нам пришли несколько человек из числа тех, кто участвовал в похоронах, и сказали, что заплатили сторожу кладбища, чтобы он дал им возможность все это проделать.

Я рассказываю об этом, чтобы показать, насколько в СССР изменилась психология даже пожилых евреев. Ведь подобный поступок совершенно противоречит не только еврейской традиции, но и общепринятым нормам: фактически они вломились в частное владение²²⁸!

Надгробный камень

Время шло, война подходила к концу, и эвакуированные стали подумывать о возвращении в те города, где они жили раньше, или о переезде куда-нибудь в другие места — главное, чтобы это уже было более-менее постоянное жилье, а не временное, как здесь.

²²⁶ См. предыдущий выпуск «Воспоминаний».

²²⁷ Рабби Мордехай-Дов Тверской (29 кислева 5600 — 22 элула 5663 [1839–1903]), ребе из Горностайполя, автор книг «Хибур летагор», «Эмек шеела» и других. Внук Мителер Ребе, второго главы Хабада.

²²⁸ Место захоронения умершего на еврейском кладбище имеет статус *риус райохид* — частного владения, так что действия этих захоронителей можно рассматривать как присвоение чужой собственности.

Но в первую очередь наших близких друзей беспокоила проблема установки надгробного камня на могиле моего мужа. Это было непростым делом, сравнимым по сложности, как говорится, с рассечением вод Красного моря! Начнем с того, что мрамора в тех краях нет. Был там, правда, один нееврей, который украл с нееврейского кладбища неплохие камни и занимался их обработкой и продажей — за огромные, естественно, деньги. Тот, кто задавался целью сделать приличное надгробие на могиле близкого человека, платил ему требуемую сумму. Мне, однако, не хотелось использовать камень, изначально предназначавшийся для нееврейского кладбища или для церкви (оттуда он тоже крал).

С другой стороны, я не могла уехать и оставить могилу мужа без надгробия! Так же считали и наши друзья. Кому-то из них удалось узнать, что на одно из местных государственных предприятий не так давно доставили из Москвы несколько больших мраморных плит. Одну из них нам удалось заполучить для использования в качестве надгробия. Каким образом? Главным бухгалтером на предприятии работал ленинградский еврей, и когда ему сказали, о чем надгробии идет речь, он вспомнил о своем дедушке, которого в детских воспоминаниях видел постоянно учившим Тору. Теперь же, когда ему пересказали, о чем *раввин*²²⁹ рассказывал в синагоге или просто в своих разговорах с людьми, это удивительным образом оказалось созвучно тому, что когда-то говорил его дед. Поэтому, в память о деде, он обязался устроить так, чтобы одна из этих мраморных плит попала в то место, где из нее можно будет сделать надгробие.

Чтобы вывезти что-то с предприятия, нужно было иметь пропуск и маршрутный лист с указанием места, куда должен быть доставлен груз. Сторож, который проверял документы на выезде, получил приличное вознаграждение за риск, хотя лично он особой ответственности не нес, так как мог все свалить на начальство, а именно на главбуха, того самого ленинградского еврея... Поздним вечером, в полной темноте, его жена на принадлежащем предприятию грузовике вывезла плиту в указанное ей место. Впоследствии она рассказывала мне, что всю ночь после этого никак не могла успокоиться из-за страха, который испытала во время поездки...

Что написать на надгробии?

Когда дело было сделано, начались обсуждения следующего вопроса: что написать на надгробии? Проблема была не в том, какие

²²⁹ То есть рабби Леви-Ицхок.

титулы выбить на камне, но в том, стоит ли полностью писать его имя — в конце концов, мой муж находился в Алма-Ате незаконно, и если бы, прочитав его имя на надгробном камне, об этом узнали какие-то *не те* люди, это могло бы многих подвергнуть большой опасности... Было над чем поразмыслить.

Мне предлагали разные варианты на выбор, в итоге решили не указывать фамилию умершего, только имя и имя его отца, а также не упоминать города, в котором муж был раввином: «Здесь погребен известный раввин и хасид такой-то, сын такого-то», и дата смерти²³⁰. Нашли специалиста, который сделал требуемую надпись...

На могилу мужа часто приходили люди. Особенно много пришло в пост Гедальи.

* * *

...Так окончилась жизнь моего мужа, завершился его нелегкий путь, прошедший в борьбе. Он не признавал никаких компромиссов в стиле «половина по-моему, половина по-твоему». Такая позиция дорого обошлась ему, но он никогда не поддавался. Поначалу у него было много противников в еврейской среде, но в конце концов многие из них стали его хасидами и добрыми друзьями.

Он ушел, и да будет воля Всевышнего, чтобы его заслуги защитили его детей, продлили дни им и их семьям, ниспослав хорошую жизнь — как в духовном, так и в материальном, и даровав удачу во всех их делах!

²³⁰ Надпись на могильном камне рабби Леви-Ицхока гласит: «Здесь покоится и сокрыт [от мира] раввин *гаон* р. Леви-Ицхок сын раввина р. Боруха-Шнеура. Душа его покинула наш мир в 20-й день месяца менахем-ав 704 года в краткой записи. Да будет душа его связана с Источником жизни». (Формулировка «в краткой записи» означает, что год указан без цифры тысяч: «704» вместо «5704»).